

Свадебные причитания: феномен межкультурного синтеза лезгинского и русского фольклорного жанра в Дагестане

В контексте современных исследований межкультурного взаимодействия проблема культурного обмена и трансформации приобретает особое значение. Одним из важных аспектов влияния фольклора проживающих в Дагестане этнических русских на устно-поэтическое творчество лезгин является заимствование различных мотивов и сюжетов, что является свидетельством обмена культурными ценностями между народами. Это способствует интеграции сюжетных линий и образов, а также развитию новых жанровых форм. Цель исследования — рассмотреть специфику свадебных причитаний как одной из жанровых разновидностей обрядовой поэзии. Исследование проведено на основе анализа рукописных материалов из архивов ИЯЛИ и НИИФЛИ им. А.Ф. Назаревича ДГУ. Комплексный подход учитывал как исторический, так и культурный аспекты взаимодействия. Исследование позволяет понять механизмы культурного обмена и оценить значимость вклада каждого народа в общее культурное наследие.

Ключевые слова: лезгинский фольклор, русский фольклор, взаимодействие, обрядовая поэзия, свадебный обряд, причитания

In the context of contemporary studies of intercultural interaction, the issue of cultural exchange and transformation is particularly significant. One significant aspect of the influence of Russian folklore on Lezghin oral poetry is the adoption of various motifs and plots, which is evidence of the exchange of cultural values between the peoples. This contributed to the integration of storylines and images. It has been demonstrated that interaction between the two peoples also contributed to the development of new genre forms. The purpose of our study is to examine the specifics of wedding laments as a genre of ritual poetry. The analysis assumes a comprehensive approach, taking into account both the historical and cultural aspects of interaction. Researching this issue allows for a deeper understanding of the mechanisms of cultural exchange and an appreciation of the significance of each culture's contribution to a shared cultural heritage.

Keywords: Lezghin folklore, Russian folklore, interaction, ritual poetry, wedding ceremony, lamentations

Введение

Традиционный свадебный обряд в любой культуре глубоко лиричен. Лезгинская и русская культуры не исключения. Их лирика отражена в двух фольклорных жанрах: причитаниях и песнях, каждый из которых имеет свою поэтическую специфику. Основным содержанием и манерой исполнения этот обрядовый жанр примыкает как к похоронным плачам, так и к лирическим песням — жалобам на жизнь. Если исполнение похоронных плачей-причитаний было рассчитано на окружающих, на людей, которые пришли выразить соболезнование, то функциональное назначение свадебных причитаний ограничивалось специфическим социальным контекстом, исключаящим их широкое публичное исполнение.

Исследование проведено на основе анализа рукописных материалов из архивов Института ЯЛИ и НИИФЛИ им. А.Ф. Назаревича ДГУ.

Причитание — это всегда излияние чувств невесты или кого-нибудь из ее близких, непосредственное выражение личного отношения участника свадьбы к происходящему, его оценка. Если речь идет о причитании невесты, то это прежде всего вынесение на людской суд ее чувства тревоги, печали в горестный час расставания с девичеством. Здесь оплакивается не только личная доля невесты, но и участь всех девушек, рано или поздно вынужденных покинуть родную сторонку.

Через призму свадебной обрядовой поэзии можно получить всестороннее представление о семейном укладе, его эволюции и современных реалиях. По мнению В.И. Чичерова, «свадебная поэзия сосредоточивает внимание главным образом на имеющих большое общественное

значение проблемах семейного быта. Эта проблематика остается неизменной во всех вариантах народной свадьбы, а они очень разнообразны» [1. С. 392].

О русской традиционной свадьбе Ю.М. Соколов писал: «Свадьба — это прежде всего определенный хозяйственный акт, прием в семью, в хозяйство нового члена, работника и продолжателя рода» [2. С. 157]. Такое же назначение имела и традиционная лезгинская свадьба.

Яркий эмоциональный колорит, художественно-образная насыщенность и реалистические черты поэзии свадебного обряда обусловлены тем, что в ней в судьбе одного человека отражена творческая и бытовая жизнедеятельность общества. Здесь можно лишь повторить высказанный нами ранее тезис: «Значение свадебной обрядовой поэзии заключается не только в том, что она отражает семейно-бытовые сферы жизни народа, этот жанр поэзии дает материал и для изучения “самобытности” народа» [3. С. 48].

Основная часть

Исследователи свадебной обрядности и поэзии народов Дагестана до последнего времени не акцентировали внимание на наличии свадебных плачей и причитаний в дагестанском фольклоре. Следует учитывать, что в традиционном обществе горцев Дагестана брачные союзы нередко заключались по воле старших, а не по взаимному согласию вступающих в брак. Бывали случаи, когда девушек выдавали за мужчин преклонного возраста, нелюбимых, даже за мужа сестры в случае смерти последней. Отношение девушек к воле родителей проявлялось по-разному: одни принимали свою участь с тихой скорбью, другие же выражали протест через плач. Исследователь аварской народной лирики С.М. Хайбуллаев отмечал:

Свадебные песни невесты по своей эмоциональности и грустному тону напоминали похоронные причитания. В условиях насильственной выдачи замуж такая тема свадебных песен неслучайна. Часто в свадебную поэзию вливались причитания девушки, которая решила броситься в реку, чтобы не выйти за нелюбимого человека [4. С. 54].

Свадебный фольклор русских в Дагестане представляет собой композиционно целостную систему, в которой сконцентрирована вся основная символика (присущая всем обрядам), отражающая архаичную семантику древнего синкретического мышления. Ни один обряд русского народа не обладает такой строгой последовательностью и композиционной целостностью, таким длинным временным протяжением, таким реально-условным ярким отображением сложной системы природных, человеческих, бытовых отношений, как свадебный. Он имеет коллективно-родовое значение, которое посвящено переходу человека из одного социального статуса в другой.

Изучение свадебных причитаний целесообразно вести с учетом их местных видоизменений и областных особенностей. По разным местностям наблюдается многочисленное варьирование в самом сочетании мелких частей свадебного обряда при устойчивом соблюдении последовательности больших частей свадебного действия. Свадебные причитания этнических русских в Дагестане, в отличие от России, исполнялись напевно, отличались своей лирической эпичностью, были невелики по объему и исполнялись речитативом, т.к. в них, по мнению А.Т. Акамова, была развита описательность, рассказ о происходящем, в котором даже незначительная деталь могла получить развитие [5. С. 147].

Свадебные причитания русских, проживающих в Дагестане, и лезгин, несмотря на культурные различия, имеют ряд общих черт, связанных с ритуальным характером, символикой и функцией укрепления социальных связей. Вместе с тем в свадебных причитаниях лезгин присутствуют и специфические черты, запечатлевшие жизнь и быт лезгинской народности, сохранявшей длительное время пережитки родового строя.

В русских предсвадебных обрядах на первое место выдвигаются причитания невесты. Основные темы причитаний — обида, мольба и переживания девушки, недовольной намерениями родителей.

Свадьба отчетливо членится на части, которые вместе составляют «единое драматическое действо» [1. С. 383]. Невеста начинает причитать, как только узнает, что просватана, т.е. по уходе сватов. Главным лирическим мотивом причитаний становится выговариваемое невестой нежелание идти замуж, ее печаль при внезапном появлении сватов. Их приход воспринимается как грозовой:

Не от ветра, не от вехоря
Широки ворота да растворились.
Что за люди, да что за гости,

Что к нам в дом да въехали?
Они громко да подъезжали,
Ко мне смело да подступали...¹

Желая разжалобить отца, мать и других членов семьи, девушка обращается к ним с мольбой и одновременно с упреком. Очень сильна обида на отца, поэтому мотивы отчаяния и безысходности наиболее ярко отражены в причитаниях к отцу, от которого зависит судьба девушки. Традиционные мотивы призыва к состраданию, жалости, которые обычно передаются риторическими вопросами:

Бог судья, кормилец батюшко, —
Запросватал красну девушку.
Молодым я молодешенька,
Зеленым я зеленешенька,
У меня, у красной девушки,

Не хватает ума-разума.
Ты подумай, родимый батюшка,
Уж я как буду в чужих людях жить:
Я глупым совсем глупешенька,
Молодым я молодешенька².

В причитаниях к матери чаще всего доминирует тон, призывающий к сочувствию, жалости: Еще на ноги не стала ваша куропатка, мать.

Зачем же ей ноги обламывать?
Зачем ломать крылья, еще не окрепшие?
Зачем отвергаете меня, мать,
Чем я не угодила, чтобы не любить меня?³

Простота и повествовательная манера, распевность и лиризм характеризуют причитания как нечто среднее между рассказом и песней. Определенную сюжетную линию составляет исповедь девушки подругам о своей жизни:

Милы мои подруженьки.
Отгуляла-то я по широкой улице.
Отпела-то я с вами развеселы песенки.
Отойдут-то с вами все гульки, забавушки,
Все девичьи прохладушки!⁴

¹ Рукописный фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Л. 14. Записал В.С. Кирюхин от Е.В. Ефремовой, 57 лет, в 1968 г. в пос. Тузуклей Дагестанской АССР.

Rukopisnii fond IIALI DNTs RAN. F. 3. Op. 5. L. 14. Zapisal V.S. Kiriukhin ot E.V. Efremovoi, 57 let, v 1968 g. v pos. Tuzuklei Dagestanskoi ASSR.

² Рукописный фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 293. Л. 94. Русский песенный фольклор, собранный В.С. Кирюхиным в Кизлярском районе Дагестанской АССР.

Rukopisnii fond IIALI DNTs RAN. F. 9. Op. 1. D. 293. L. 94. Russkii pesennyi fol'klor, sobrannyi V.S. Kiriukhinym v Kizliarskom raione Dagestanskoi ASSR.

³ Рукописный фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Л. 14. Записал В.С. Кирюхин от Е.В. Ефремовой, 57 лет, в 1968 г. в пос. Тузуклей Дагестанской АССР.

Rukopisnii fond IIALI DNTs RAN. F. 3. Op. 5. L. 14. Zapisal V.S. Kiriukhin ot E.V. Efremovoi, 57 let, v 1968 g. v pos. Tuzuklei Dagestanskoi ASSR.

⁴ Рукописный фонд НИИФЛИ им. А.Ф. Назаревича ДГУ. Ф. 4. Оп. 2. Л. 7–8. Записано от А.Г. Авиловой, 70 лет, в 1980 г. в хут. Мареновский Дагестанской АССР.

Rukopisnii fond NIIFLI im. A.F. Nazarevicha DGU. F. 4. Op. 2. L. 7–8. Zapisano ot A.G. Avilovoi, 70 let, v khut. Marenovskii Dagestanskoi ASSR.

Причитания воспроизводят жизнь молодой девушки до замужества, а также предсказывают ее будущее: «Словно цветок полевой, росла она и жила на своей земле». Беда, обрушившаяся на ее голову, появилась черной тучей, ветром, сгибающим деревья и травы, заставила плакать и стонать. Девушка с глубокой грустью и искренним сожалением прощается со своей юностью, со своей легкой жизнью.

Как отмечает А.М. Ганиева, «у лезгин не сохранились свадебные причитания такого рода, как, например, в русской свадебной поэзии, где изображались покидаемый невестой родительский дом и ее отношение к родным, идеализация родительского дома» [3. С. 72–73].

Следующим этапом русской свадьбы является поход невесты в баню с подружками. Ритуальное предсвадебное омовение невесты в бане всегда сопровождалось причитаниями. Будущая судьба девушки зависела от того, какие действия совершались во время обряда. Символика, использованная в плачах, отражала значимость каждого действия и предмета. Подруги невесты приносили дрова и воду для бани, сопровождая это веселыми песнями, чтобы жизнь молодой была радостной. В банных плачах часто звучала тема прощания невесты с девичьей волей. Согласно тексту приводимой ниже песни, воля улетает из бани, принимая образ пара:

Мне сказали люди добрые таковые речи:
Не ходи ты, зарученная, в теплу парну банечку,
Смоешь ты с головы дорогу девью красоту,
Намоешь ты на голову старую бабью косынку.
Сомыла я с головы дорогу девью красоту...⁵

По старинному русскому обычаю, чтобы брак был счастливым, невеста должна была выплакаться перед свадьбой. Обычно мать пробуждала ее, рассказывая, что это последняя ночь в родном доме. Невесте следовало вставать раньше, чем ее начнут «с постелюшки поднимать». В ответ на это невеста начинала плакать:

Не красное солнце выкатывается.
Как у нас на дворе заря занимается,
А мое сердце кровью обливается⁶.

Если в русском фольклоре свадебные причитания — это тексты, исполняемые основной виновницей торжества — невестой, то в фольклоре лезгин причеты зачастую исполняются от имени невесты подружками, родственницами и т.д.

Во время проведения обряда сватовства у лезгин отмечается полное отсутствие песен, исполняемых невестой или ее подружками, что указывает на обезличивание положения невесты в рамках всей свадебной церемонии. Это говорит о том, что невеста лишена индивидуальности и голоса в свадебном ритуале. Она лишь объект в свадебном обряде.

В этой связи мы полагаем, что на песни всего свадебного обряда лезгин наложили свой отпечаток верования и убеждения, связанные с религией. Вследствие чего в лезгинских свадебных песнях нет ни одного текста от лица субъектов свадебного обряда — жениха и невесты. В этот день песни исполнялись только взрослыми родственницами как со стороны невесты, так и со стороны жениха.

Центральным образом этих песен выступала невеста, вокруг которой и разворачивался диалог в речитативной форме. В первой части песни речь шла о купле-продаже невесты, во второй изображался искаженный словесный портрет девушки.

⁵ Рукописный фонд НИИФЛИ им. А.Ф. Назаревича ДГУ. Ф. 5. Оп. 2. Л. 15–16. Записано от Е.И. Пищериной, 52 г., в 1989 г. в пос. Чечень Дагестанской АССР.

Rukopisnii fond NIIFLI im. A.F. Nazarevicha DGU. F. 5. Op. 2. L. 15–16. Zapisano ot E.I. Pishcherinoy, 52 g., v pos. Chechen' Dagestanskoi ASSR.

⁶ Рукописный фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Л. 15–15. Записала Л. Темирбекова от М.Б. Ковалевой в 1979 г. в хут. М. Бредихин.

Rukopisnii fond IIALI DNTs RAN. F. 3. Op. 2. L. 15–15. Zapisala L. Temirbekova ot M.B. Kovalevoi v 1979 g. v khut. M. Bredikhin.

У лезгин подружки невесты собирались накануне свадьбы на своего рода девичник. Они исполняли не только песни, связанные непосредственно с самим обрядом, но и любовные песни, песни семейно-бытового и социально-бытового характера. К примеру, «песни хорового исполнения, которые в прошлом входили в свадебный обряд и в свадебную обрядовую поэзию, со временем трансформировались и стали исполняться вне обряда» [6. С. 400]. К подобным песням относятся «Перизада» («*Перизада*»), «Высокие горы» («*Къакъан дагълар*») и др.

В день свадьбы молодые девушки снова собирались и пели свадебные песни. Они начинали описывать мрачные перспективы жизни в доме мужа.

Перед появлением свадебной процессии подружки невесты обычно исполняли песню «*Билдир бевешиа*» («Узнай, фиалка») [7. С. 46] как напоминание о том, что настала пора покидать отчий дом. Родственники невесты в этот момент не поют, как, например, у русских, а плачут:

На голой скале полынь,
Узнай, фиалка, узнай,
Пришли враги за подругой,
Плачь, моя подруга!

Предчувствие несчастливой жизни вдали от родного очага удручало девушку, и, возможно, поэтому песня начиналась безрадостной картиной «на голой скале полынь», подразумевавшей дом жениха.

По содержанию к плачам-причитаниям этого типа близка и лезгинская свадебная песня «*Я руш, вун тухузава...*» («Девушка, тебя увозят...») [8. С. 213–216]. Чаще всего она исполнялась во время сборов невесты, когда ее одевали и наряжали подружки:

Подруга, тебя увозят,
Мы о тебе скорбим.
Горе, подругу забирают,
Сердца наши разрываются.
В каменных оврагах полынь,

Те, кто увозят девушку, враги.
На сундуке абаси.
Вернется хозяин девушки...
На крыше горячее солнце,
На глазах невесты слезы.

Приведенный стих демонстрирует двойственность: содержание и форма приближают его одновременно к обрядовым похоронным плачам-причитаниям и к необрядовой лирике — семейно-бытовым и социально-бытовым песням о тяготах жизни, которые полны лиризма. Строки этой песни исполнены глубокой печали, неутолимой тоски. Но в то же время подружки сами же и успокаивали невесту: «*Не плачь, не плачь, милая, как молодой джейран, ханум! // Всех нас постигнет эта беда, милая ханум!*»

Свадебные причитания наполнены элементами лиризма и драматизма. В них проявляются пережитки старины, бесправное положение женщины-горянки. Невеста боится побоев будущего мужа, т.к. у лезгин «существовал обычай, по которому жених в первую брачную ночь должен был избить свою невесту в знак будущего послушания» [3. С. 56]:

Ой леле, ой леле,
У жениха в руке палка,
Ой леле, ой леле,
Невеста в углу дрожит [8. С. 223–225].

Как замечает Ф.И. Вагабова,

теперь понятны и скорбь, и проникший в песню элемент плача. Лиризм, пронизывающий песню, объясняется и сознанием, что каждую из поющих постигнет судьба подруги. Общая настроенность усугубляется музыкальным сопровождением обряда (дуэт зурначей и барабанщик), достигающим к моменту вывода невесты из родительского дома глубокого драматического звучания [9. С. 51].

В свадебных причитаниях лезгин при поочередном (амебейном) исполнении песни запевала может иногда говорить или петь от лица невесты, тогда как в русском фольклоре раскрытию образа невесты способствуют ее же признания, выражение сугубо личного отношения к родным, близким.

Запевала: Я леле, я леле,
Не бей, милый, не бей.
Я леле, я леле,
И неизбитой не оставляй.
Хор: Я леле, я леле,
В эту ночь я умоляю тебя [не трогать меня]!
Я леле, я леле,
С завтрашнего дня это будет обычным делом [8. С. 223–225].

Самобытный художественный колорит и образное богатство причитаний находят свои истоки в том, что они не имеют развернутого сюжета. Основное в них — изображение переживаний и страданий. Вся поэтическая сила причитаний сосредоточена на передаче контраста пир-веселья родни и печали невесты. Все свадебные причитания с самого начала обряда говорят о перемене в жизни невесты как о событии, которое происходит против ее воли.

Заключение

Несмотря на различия в конкретных ритуалах и символике, свадебные причитания лезгин и русских выполняют схожие функции: отражают сам обряд и выражают эмоциональное состояние его участников, закрепляют социальный статус, укрепляют родственные связи, вовлекают общину в свадебный процесс.

Изменения обрядовых ритуалов неизбежно влекли за собой трансформацию жанровой сущности свадебной поэзии. На протяжении долгих лет свадебные песни не только претерпевали изменения, но и значительно обогащались новым смысловым наполнением. В ответ на многообразие жизненных реалий некоторые песни постепенно отходили от традиционной любовной тематики.

Значение старых обрядов со временем значительно уменьшилось, в настоящее время мы наблюдаем лишь следы их присутствия в прошлом. В наше время они остались только в памяти пожилых людей.

Традиционный свадебный обряд в дагестанских аулах стал заметно видоизменяться уже в конце XIX — начале XX столетия. С выпадением отдельных эпизодов обряда, их упрощением и сокращением начинает меняться и связь свадебного действия с песнями. Так, например, под влиянием новых общественных и бытовых условий ушел из устной народной поэзии свадебный причет [8. С. 32–33].

В конце XX — начале XXI в. в ходе полевых исследований было установлено, что в современном семейном укладе этнических русских, проживающих в Дагестане, свадебные причитания утратили свою значимость и рассматриваются преимущественно как поэтические произведения прошлых лет. Эти причитания по своей сути были связаны с «оплакиванием» невесты, что отличает их от свадебных «величальных» песен, которые до сих пор частично включаются в современную свадебную церемонию.

Анализ рукописных материалов из архивов Института ЯЛИ и НИИФЛИ им. А.Ф. Назаревича ДГУ, а также изучение существующей литературы позволили определить ритуальную роль свадебных причитаний в культуре русского населения Дагестана. Исследования показали, что в настоящее время причитания претерпели изменения, их функции и жанровая принадлежность трансформировались: одни перешли в лирические песни, другие утратили актуальность, а некоторые сохранились как художественное наследие, используемое в профессиональном искусстве и художественной самодеятельности.

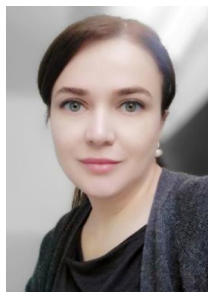
Свадебные причитания утратили свою первостепенную роль и значение. В ритуале была сохранена исключительно его церемониальная функция, т.е. невеста тихо проливает слезы независимо от того, за кого ее выдают замуж: за любимого или за нелюбимого. Вследствие трансформации общественных устоев свадебные причитания утратили свое место в свадебном обряде раньше, чем прочие его составляющие.

Литература

1. Чичеров В.И. Русское народное творчество. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. 522 с.
2. Соколов Ю.М. Русский фольклор: учебник для высш. учеб. заведений. М.: Учпедгиз, 1938. 559 с.
3. Ганиева А.М. Народная лирическая поэзия лезгин. Махачкала: ДКИ, 1976. 164 с.
4. Хайбуллаев С.М. Аварская народная лирика. Махачкала: ДКИ, 1973. 111 с.
5. Щелкова (Селина) О.В. Русский песенный фольклор в Дагестане: свадебные причитания // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. Т. 7. № 3. С. 146–150.
6. Акамов А.Т., Гашарова А.Р. Песни хорового исполнения народов Дагестана (на примере кумыкских и лезгинских песен) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». Ижевск, 2021. Т. 31. № 2. С. 398–404.
7. Лезгинский фольклор / сост. А. Гаджиев; пер. слезг. А.М. Ганиевой. Махачкала: Деловой мир, 2008. 536 с. На лезг. и рус. яз.
8. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20 т. Т. 6: Обрядовая поэзия. М.: Наука, 2017. 679 с.
9. Вагабова Ф.И. Формирование лезгинской национальной литературы. Махачкала, 1970. 252 с.

References

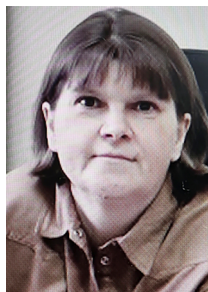
1. Chicherov V.I. Russkoe narodnoe tvorchestvo. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1959. 522 s.
2. Sokolov Yu.M. Russkii fol'klor: uchebnik dlia vyssh. ucheb. zavedenii. Moscow: Uchpedgiz, 1938. 559 s.
3. Ganieva A.M. Narodnaia liricheskaia poeziia lezgin. Makhachkala: DKI, 1976. 164 s.
4. Khaibullaev S.M. Avarskaia narodnaia lirika. Makhachkala: DKI, 1973. 111 s.
5. Shchelkova (Selina) O.V. Russkii pesennyi fol'klor v Dagestane: svadebnye prichitanii // Vestnik Kalmytskogo instituta humanitarnykh issledovaniy RAN. 2014. T. 7. No. 3. S. 146–150.
6. Akamov A.T., Gasharova A.R. Pesni khorovogo ispolneniia narodov Dagestana (na primere kumykskikh i lezginskikh pesen) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriiia "Istoriia i filologiiia". Izhevsk, 2021. T. 31. No. 2. S. 398–404.
7. Lezginskii fol'klor / sost. A. Gadzhiev; per. s lezg. A.M. Ganievoi. Makhachkala: Delovoi mir, 2008. 536s. Na lezg. i rus. iaz.
8. Svod pamiatnikov fol'klora narodov Dagestana: v 20 t. T. 6: Obriadovaia poeziia. Moscow: Nauka, 2017. 679 s.
9. Vagabova F.I. Formirovanie lezginskoi natsional'noi literatury. Makhachkala, 1970. 252 s.

Гашарова Аида Руслановна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела фольклора
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук (Махачкала, Россия)

Gasharova Aida R.,
PhD in Philology, Senior Researcher of the Department of Folklore
G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of
the Dagestan Federal Research Center of
the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia)

<http://orcid.org/0000-0002-1651-1740>
e-mail: aida.2015@yandex.ru

Щелкова (Селина) Оксана Викторовна,
младший научный сотрудник отдела фольклора
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук (Махачкала, Россия)

Shchelkova (Selina) Oksana V.,
Junior Researcher of the Department of Folklore
G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of
the Dagestan Federal Research Center of
the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia)

e-mail: selina79@mail.ru

Статья поступила: 01.03.2026
Принята к печати: 26.04.2026